

Научная статья

УДК [1:316]+(316.74:94)(470+571)

Для цитирования:

Тагаев М.А., священник. Трансформация религиозно-нравственных оснований советского общества в условиях Великой Отечественной войны и постсекулярные процессы в современной России // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2026. № 2 (33). С. 122–140.

DOI: 10.56621/27825884_2026_33_122

Священник Макар Александрович Тагаев,

аспирант

Саратовского национального исследовательского
государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского,

Российская Федерация, 410028, г. Саратов,
ул. Вольская, 10 А
makarii0506@yandex.ru

Трансформация религиозно-нравственных оснований советского общества в условиях Великой Отечественной войны и постсекулярные процессы в современной России

Священник М.А. ТАГАЕВ

Аннотация: Статья посвящена исследованию религиозно-нравственных оснований советского общества в годы Великой Отечественной войны и анализу постсекулярных процессов в современной России. Рассматриваются исторические предпосылки взаимоотношений между Церковью и государством в СССР, начиная с революции 1917 года и заканчивая периодом Второй мировой войны. Анализируются изменения в государственной политике по отношению к религии, произошедшие в результате чрезвычайных обстоятельств военного времени, и их последствия для будущего развития религиозного сознания в России. Рассматриваются современные тенденции десекуляризации и их влияние на общественные настроения, демонстрируя, как религиозные и национальные символы интегрируются в современную российскую культуру. Исследование раскрывает сложность и многослойность религиозно-нравственной идентичности российского общества, показывая, как религиозность социума в России сохраняется и адаптируется в условиях политических перемен и кризисов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Русская Православная Церковь, патриотизм, постсекулярные тенденции, десекуляризация, концепт постсекулярного общества, религиозность, квазирелигиозность.

Теоретико-методологическая основа данного исследования определяется теориями социальных изменений, ориентированных на поиск и доказательство тенденций изменений (поиск устойчивых и необратимых тенденций в развитии общества, носящих характер универсальных закономерностей: закон «трех стадий» О. Конта¹, теория общественных формаций К. Маркса², теория постиндустриального общества Д. Белла³). Однако теории социальных изменений не фокусируются на проблематике трансформации религиозно-нравственных оснований советского общества в условиях Великой Отечественной войны и постсекулярных процессах в современной России. Научная новизна данного исследования заключается в применении аспектов базовых теорий социальных изменений на примере практики советского общества и постсекулярных процессов современной России. Авторским вкладом является выявление особого исторического пути секуляризации общества России с проявлением в последующем отличительных постсекулярных тенденций в современности. На основании теории Пауля Тиллиха⁴ о встрече современных религий с секуляризмом введенное им понятие квазирелигиозности применяется в статье для характеристики современных тенденций в постсекулярном обществе России.

Отдельным аспектом исследования является вопрос ментальности советского и современного российского общества. Ментальность общества России, сформированная под влиянием культурных норм и обычаев, исторических событий, пространства и времени, испытывает проблемы трансформаций в быстро изменяющемся современном мире России.

Исследованием ментальности как устойчивого способа специфического мировосприятия, характерного для больших групп людей (этносов, наций, социальных слоев), в рамках социальной философии занимались такие отечественные ученые, как: В.Е. Семёнов, который понимает ментальность как исторически сложившееся

¹ См.: Конт О. Курс положительной философии. Т. 1. С.-Петербург, 1900. Первая лекция // Философия и общество. 1998. Т. 1. Вып. 6. С. 191–208.

² См.: Маркс К. К критике политической экономии. М., 1990.

³ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.

⁴ См.: Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995.

групповое долговременное единство сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении⁵; Г. В. Акопов, трактующий ментальность как выражение группового сознания во времени и пространстве⁶; В. И. Пищик, понимающий ментальность как сложную систему совмещения значений, смыслов и ценностей, направляющих социально-психологические характеристики поколений⁷. Согласно оригинальной концепции В. Е. Семёнова, ключевые русские менталитеты формируются путем сочетания философских универсальных категорий-оппозиций: *Бог — идол* по вертикали; *коллектив — индивид* по горизонтали: индуктивно менталитеты подкрепляются культурно-историческими реалиями и фактами. Согласно данным репрезентативных социологических исследований таких организаций, как Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ), Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), Центр политических и психологических исследований (ЦППИ) и др., в современной Российской Федерации преобладают *коллективистско-просоциальный* и *российско-православный менталитеты* (в сумме — свыше 75% населения)⁸.

На основании данных подходов мы можем рассматривать трансформацию религиозно-нравственных оснований советского общества в историческом контексте Великой Отечественной войны, как следствие, провести анализ современных постсекулярных тенденций России.

Прежде чем начать рассмотрение периода Великой Отечественной войны и особенностей проявления религиозности в обществе того времени, целесообразно изучить предшествовавший ход взаимоотношений между Церковью и государством в Советском Союзе. С момента революции 1917 года советская власть стремилась

⁵ См.: Семёнов В.Е. История психологической науки в России и российская полиментальность // Современная христианская психология и антропология: актуальные вопросы. Материалы Всероссийской конференции. 2022. № 3. С. 27.

⁶ См.: Акопов Г.В. Ментальность как групповое сознание. Самара, 2015.

⁷ См.: Пищик В.И. Ментальность поколений в текущей современности. М., 2026.

⁸ См.: Семёнов В.Е. Указ. соч. С. 28.

внедрить социалистическое мировоззрение среди рабочего класса, что сопровождалось активными действиями по устранению исторических традиций и разрушению Русской Православной Церкви как основного созидателя этих традиций. После октябрьских событий государство предприняло решительные меры по ущемлению правового положения Церкви, закрытию просветительских и учебных учреждений, изъятию имущества, разграблению святынь и поддержке раскола среди православного духовенства. Апогеем стало массовое уничтожение храмов и убийство представителей духовенства и верующих в 1920–1930-е годы. Эти меры соответствовали антирелигиозной позиции В.И. Ленина. Еще в 1905 году он писал, что «религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах»⁹, и настаивал на полном отделении Церкви от государства, призывая сознательных рабочих всей страны вести беспощадную войну с теми представителями духовенства, кто не принимал «этих последовательных требований свободы»¹⁰.

Как отмечают исследователи, позиция вождя мирового пролетариата в дальнейшем выразилась в трех основных критериях:

1) во-первых, это мировоззрение, основанное на диалектическом материализме, которое принципиально противоречит любой религии;

2) во-вторых, ярко выраженный антиклерикализм, переросший в агрессивное отношение к религиозным организациям как к политическим оппонентам коммунистической партии;

3) в-третьих, Ленин считал проблемы религии второстепенными по сравнению с задачей социального переустройства, поэтому «религиозный вопрос» должен был подчиняться насущным требованиям революционного преобразования общества¹¹.

Итогом политики воинствующего атеизма стала ситуация, когда к началу ВОВ на территории РСФСР осталось лишь 950 православных общин и примерно 100 действующих храмов, преимущественно в крупных городах. В двадцати областях функционировало от одного до пяти храмов, тогда как в двадцати пяти областях вообще

⁹ Ленин В.И. Социализм и религия. М., 1940. С. 32.

¹⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 12. М., 1968. С. 144.

¹¹ См.: Смирнов М.Ю. Религия и Библия в трудах В.И. Ленина: новый взгляд на старую тему // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 112.

не было ни одного храма¹². К началу Великой Отечественной войны лишь малая часть духовенства Русской Православной Церкви находилась на свободе и могла свободно действовать. Но, несмотря на активную антирелигиозную пропаганду, репрессии и сокращение числа официальных приходов и монастырей Патриаршей Церкви в 1920—1930 годы, духовная жизнь верующих не прекращалась. В Советском Союзе стихийно возникали подпольные «домашние» монастыри, тайные богословские школы и нелегальные общины. Это явление отражало глубокую традиционную религиозность населения, особенно крестьянского. Легальный епископат при этом «в 1920—1930-е гг. лояльно относился к церковному подполью, видел в нем естественный способ продолжить невозможную в создавшейся обстановке церковную жизнь и участвовал в его созидании»¹³. Поэтому можно утверждать, что именно церковное подполье явилось одним из факторов сохранения религиозности в советском обществе накануне Великой Отечественной войны.

С первых дней войны Русская Православная Церковь, отложив существовавшие противоречия с властями, обратила призыв ко всему советскому народу выступить единым фронтом против агрессоров, а верующих — постоянно молиться о достижении победы. 22 июня, в день прославления всех русских святых Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) выступил с посланием к пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви, в котором заявил, что «Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины»¹⁴. Вскоре данное послание прозвучало во всех храмах Русской Православной Церкви и нашло широкий отклик среди прихожан, выразившийся в массовых пожертвованиях на нужды Красной Армии и активном участии в обеспечении победы.

Историческим фактом является, что в своем выступлении по радио от 3 июля 1941 года И.В. Сталин использует наряду с об-

¹² См.: Кринко Е.Ф. Религиозная жизнь в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (13). С. 98—112.

¹³ Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР М., 2008. С. 270.

¹⁴ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М., 1943. С. 3—5.

ращениями «Товарищи! Граждане!» по сути внутрицерковное обращение: «Братья и сестры!»¹⁵. Совершенно явным в этом обращении выглядит непривычный для интернационального характера коммунистической партии поворот к теме отечественного патриотизма и к воспоминаниям предыдущих побед русского народа. Однако стоит отметить, что еще со второй половины 30-х годов в СССР наметился разворот, связанный с построением советского патриотизма. Одним из ярких примеров тому явился вышедший в 1938 году фильм «Александр Невский» режиссера Сергея Эйзенштейна. Сталин нуждался в крепких культурологических основах для построения социума, способного одержать Великую Победу. В связи с чем Советский Союз прекратил политику гонений на верующих и перешел к своеобразному сотрудничеству с Церковью, направленному на сплочение сил ради победы над врагом. Во многом этому способствовала патриотическая позиция, занятая руководством Русской Православной Церкви.

Ранее уже говорилось, что в довоенном Советском Союзе религиозная жизнь среди верующих не угасала, несмотря на открытое преследование, пропагандистские кампании и репрессивные меры со стороны власти. Вероятно, отдельные группы общества подвергались воздействию этих мер и частично утрачивали свою религиозность. Однако по признанию самих идеологов атеизма того времени в 1937–1940 годы верующими себя в СССР считали от 45 до 50% населения — это примерно 80–90 миллионов человек¹⁶. Хотя существуют данные, где указывается, что эта статистика является заниженной.

Следует подчеркнуть, что в советском обществе в ответ на процессы стандартизации и секуляризации произошла своеобразная консервация православной идентичности русских: хотя многие формально отошли от регулярной церковной жизни, внутренне они сохраняли веру во Христа. Русско-советский социум продолжал оставаться стержневым компонентом советской общности, уверенно и естественно осознавая собственную этническую принадлежность. Православие сместилось из области осознанного выбора людей

¹⁵ См.: Сталин И.В. Выступление по радио 3 июля 1941 года // О Великой Отечественной войне Советского Союза. Ленинград, 1944. С. 7.

¹⁶ См.: Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 414.

в глубинное, бессознательное ядро народной, а в более широком смысле — советской культуры.

Значительное влияние на усиление религиозности общества в годы войны оказали внутренние факторы, такие как индивидуальные эмоциональные переживания и психологические реакции людей на обстоятельства военного времени. Экзистенциальная тревога за судьбы близких, страны, предчувствие возможной гибели, пленения и страданий пробудили в народе его искреннюю и глубокую веру, которая раньше оставалась скрытой, но продолжала теплиться в глубинных культурных кодах советского социума. Увеличение религиозных проявлений возможно проследить на примере исторических и мемуарных материалов, свидетельствующих о росте количества молящихся в храмах, а также огромном количестве засвидетельствованных ирреальных случаев «трансцендентных знамений во время военных действий»¹⁷.

Таким образом, несмотря на заложенную советским государством модель церковно-государственных взаимоотношений, выраженную в лишении Церкви юридического лица и всякой внешней возможности влияния Церкви на общество, религиозность в советском социуме сохранялась. Поддерживалась и связь общества с Церковью. Во многом это стало возможно благодаря действиям церковного руководства, которое смогло пойти на проявление определенной лояльности по отношению к атеистическому советскому государству. Характерным и определенно спорным документом, подтверждающим это, является Декларация 1927 года, подписанная заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским). Этот текст подтверждал лояльность Церкви атеистическим властям и их политике, осуждая инакомыслящих, священников и верующих¹⁸. Это был вынужденный шаг, который был направлен на предотвращение массовых казней священнослужителей. Декларация при этом заложила дальнейший вектор церковно-государственных отношений.

¹⁷ Цеханская К.В. Война и вера: религиозный аспект подвига советских людей в годы Великой Отечественной войны // *Метаморфозы истории*. 2019. № 13. С. 23.

¹⁸ См.: Пинюгина Е.В. Патриарх Сергей в политике памяти Русской Православной Церкви в конце XX — начале XXI вв. // *Россия и современный мир*. 2020. № 2 (107). С. 61.

С началом Великой Отечественной войны ситуация в религиозной жизни Советского Союза кардинально преобразилась. Советское руководство прекратило репрессии против верующих и приступило к конструктивному взаимодействию с Церковью, целью которого стало общее противодействие вражеской угрозе. Основой для такого сотрудничества стала патриотическая позиция, занятая руководством Русской Православной Церкви и иных религиозных организаций. Социокультурные парадигмы религиозности русско-советского общества перед началом Великой Отечественной войны свидетельствуют о непрерывности процессов религиозно-цивилизационной самоидентификации государствообразующего русского этноса. Традиционные модели мировосприятия и этики советских людей оставались такими же, как и в дореволюционное прошлое, и проявились особенно ярко в ходе войны. Перед лицом экзистенциальной угрозы представители разных уровней религиозности обратились к Церкви и вере в Бога, черпая в традиционных культурных кодах силу и поддержку, что способствовало достижению Великой Победы. Этот поворот характеризовался отчасти внешним сходством религиозных архетипов и советской системы, что отражалось в духе солидарности, общинности, отсутствии расовых и этнических барьеров, социальном аскетизме, историческом оптимизме и идее жертвенного служения Родине и ближнему.

Описанный выше разворот политики руководства СССР в годы Великой Отечественной войны по отношению к Русской Православной Церкви послужил основанием дальнейшего курса отношений на весь советский период и лег в основу современных церковно-государственных связей. После Великой Отечественной войны одной из целей советского руководства стала попытка распространения своего влияния на зарубежные страны посредством иерархов Русской Православной Церкви. Советская власть в послевоенный период возложила на руководство Русской Православной Церкви весьма масштабную миссию: занять лидирующее положение в мировом православии, превзойти влияние остальных православных конфессий Восточной Европы, завоевать признание среди древнейших восточнохристианских патриархий престолов и создать нечто наподобие «Восточного Ватикана» прямо в столице

Советского Союза — Москве¹⁹. Эта структура должна была служить духовным центром и опорой верующих в странах, ориентированных на Советский Союз. Во внутреннем восприятии социалистического российского общества в этот период прослеживалось и определенное осознание в народе своей особой роли в общемировых процессах. На этом во многом и строились идеи мировой революции и построения коммунистического общества. Так идеи мессианства «Москвы — Третьего Рима» и «Святой Руси» трансформировались в концепцию Третьего Интернационала. Именно тогда Россия обрела обновленную национальную идею и возвышенную миссию. Советской России, выступавшей защитником марксистских идей, предстояло посредством мировой революции нести миру эту новую «подлинную истину», исполняя свое историческое призвание²⁰. Одним из своих орудий на общемировой арене руководство СССР видело Церковь.

Подходя к понятию постсекулярного периода в России, стоит отметить, что этот обсуждаемый термин в полной мере применим на всем постсоветском пространстве²¹. Религиозность людей в современной России характеризуется как общемировыми тенденциями, так и отличительными чертами. Остановимся отдельно на отличительных чертах современных постсекулярных тенденций в России.

Постсоветская эпоха ознаменовалась утратой прежней советской секулярной идеологии, вследствие чего возникла острая потребность в обретении новых фундаментальных основ мировоззрения, выходящих за рамки повседневного опыта. Значительную роль в этом процессе сыграла Русская Православная Церковь благодаря своему культурному наследию, организационным структурам и кадровой иерархии. Исторический путь секуляризации советского периода обусловил специфику формирования постсекулярных тенденций в современной России. По мнению исследователей, рубеж-

¹⁹ См.: Беглов А.Л. Международная деятельность Русской Православной Церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 4. С. 112.

²⁰ См.: Целиковский А.А. Политический мессианизм как основа российского имперского мифа // Философская мысль. 2024. № 1. С. 22.

²¹ См.: Тагаев М.А., свящ. Постсекулярные тенденции в современном социокультурном пространстве России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25. № 1. С. 28.

ной вехой для современной российской истории стало празднование тысячелетия Крещения Руси в 1988 году, после которого Церковь вновь вернулась к открытому присутствию в российском обществе и культуре. С этого момента в России запустился процесс десекуляризации российского общества²², что стало важным этапом сближения Церкви, государства и социума.

Секуляризм XX века был выражен на территории СССР в виде воинствующего атеизма. В связи с чем особенностью современного процесса десекуляризации общества в России является тот факт, что религия в постсоветский период осталась гиперприватизированной и получила возможность свободно и активно действовать в публичной современной сфере²³. При этом, анализируя влияние периода Великой Отечественной войны на религиозно-нравственное состояние общества в советский и современный периоды России, можно наблюдать специфическое явление «двоеверия».

Термин здесь означает слияние традиционного христианского учения с атрибутикой и символикой секулярного патриотизма в общественном восприятии. Появление данного феномена обусловлено самим периодом Великой Отечественной войны. Именно тогда возникает «эффект отождествления патриотизма и православной веры»²⁴. Отчасти этот процесс был заложен еще в советский период и продолжается в современном социуме. Сюда можно отнести упомянутую выше практику советских идеологов идеализировать память об исторических личностях дореволюционной России. Это Александр Невский, Дмитрий Донской, которые помимо всего прочего являлись святыми Православной Церкви. Одним из примеров смешения символов культурно-религиозных и советско-патриотических являются гвардейские ленточки советской армии. На что косвенно указывает в одной из своих проповедей Святейший Патриарх Кирилл: «Неслучайно, что гвардейские ленточки даже советской армии — это ленточки ордена святого великомученика Георгия

²² См.: Цыплаков Д.А. Этапы российской секуляризации и празднование 1000-летия Крещения Руси в 1988 г. // Новосибирский временник. 2022. № 2 (6). С. 75.

²³ См.: Цыплаков Д.А. Российская постсекулярность: специфика изучения // Российский гуманитарный журнал. 2017. № 3. С. 248.

²⁴ Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // Studia Humanitatis. 2020. № 1. С. 30.

Победоносца, потому что глубоко утвердилось в сознании людей, что святой великомученик Георгий есть победитель — победитель зла в человеческой истории»²⁵. Данный пример одного из символов Великой Победы отражает квазирелигиозную сторону этики сталинизма²⁶, которая выстраивалась в противовес борьбы с религией традиционной.

Понятие квазирелигиозность было впервые сформулировано в работах Пауля Тиллиха в 1950—1960 годах. Характерной для своего времени чертой религиозности общества П. Тиллих считал встречу мировых религий с секуляризмом и основанными на нем одной или несколькими квазирелигиями. Среди прочих подобных секулярных псевдорелигиозных явлений исследователь выделял, в частности, идею коммунизма, характеризуя ее как секулярную квазирелигию, в которой в качестве высшего интереса выступает «обожещаемый» высший идеал человечества, народа, науки или некоторой формы (или этапа) развития общества²⁷. Пользуясь терминологией Тиллиха, предельным интересом, на который направлена вера человека, в советский период была личность вождя или интересы партии.

Например, в социально-культурной и творческо-художественной реальности советского периода отсутствовали традиционные представления о добре и зле, поступки не подлежали оценке как положительные либо отрицательные ввиду отсутствия общепринятых критериев для такого анализа; единственным значимым показателем считался вклад конкретного деяния в пользу партийных целей²⁸. Аргументом в пользу обозначения советской идеологии как квазирелигиозного явления могут служить внешне схожие с христианскими богослужебно-обрядовыми традициями партийные демонстрации, погребальные процессии, схожие с крестными ходами, церемония

²⁵ Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Свято-Георгиевском храме на Поклонной горе в день памяти святого великомученика Георгия Победоносца 06.05.2021 // Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/88021> (дата обращения: 28.10.2025). Загл. с экрана.

²⁶ См.: Чеснова Е.Н., Якимова Е.Г., Мартыанов Е.Ю. Квазирелигиозные и эсхатологические основания этики сталинизма // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2014. № 2 (10). С. 59—67; Мозжилин С.И. Совесть и историческая память в контексте российской культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24. № 3. С. 289—294.

²⁷ См.: Тиллих П. Указ. соч. С. 399.

²⁸ См.: Чеснова Е.Н., Якимова Е.Г., Мартыанов Е.Ю. Указ. соч. С. 62.

звездин в подражании церковного таинства Крещения. Но, пожалуй, самым ярким образом советского периода явилось создание мавзолея Ленина. Явным здесь видится желание советских идеологов закрепить в общественном восприятии образ «нетления» идей и жизни вождя мирового пролетариата, наделив качествами святости его личность.

Эти основы в послевоенный период получили дополнительный стимул для усиления в общественном сознании и стали фундаментом для формирования патриотического общества в России. В современном российском социуме происходит смешение «священных» символов коммунистической партии, символов Великой Победы, а также религиозной веры. Отмечаются попытки сформировать особое религиозное восприятие Великой Отечественной войны: она представляется как борьба добра против зла, как результат человеческих грехов, а победа трактуется как проявление Божьего чуда. На протяжении 2000-х годов заметно усиливается значение памяти о войне в формировании общероссийской политики памяти. Это проявляется, в частности, в переходе даже общественных инициатив, связанных с Великой Отечественной войной, на государственный уровень (например, движение «Бессмертный полк»). Главным символом сохранения памяти о войне в мемориальной архитектуре современной России стал Главный храм Вооруженных Сил РФ, возведенный неподалеку от парка «Патриот» в Москве. Он в своем оформлении и пропорциональных формах наполнен символическим значением²⁹. Особенностью храма, символизирующей процесс десекуляризации российского общества, выступают боковые приделы, освященные в честь святых-покровителей родов войск Российской армии. Сам факт строительства храма-мемориала, гармонично объединившего христианские символы с образами советского прошлого, иллюстрирует специфику постсекулярных квазирелигиозных тенденций в современной социокультурной среде России, корни которых уходят в послевоенный период взаимоотношений Церкви и Советского государства.

Таким образом, мы можем говорить о том, что, несмотря на открытые притеснения первых десятилетий советской властью

²⁹ См.: Аникин Д.А. Указ. соч.

верующих, внутренняя религиозная жизнь общества сохранялась, перейдя в подпольное состояние в довоенные годы. Традиционные мировоззренческие и этические принципы, заложенные религиозностью государствообразующего народа, несмотря на активную антирелигиозную пропаганду ярко проявились в экстремальных обстоятельствах войны. Экзистенциальная угроза усилила стремление к поиску опоры в религиозных и культурных архетипах, обеспечивавших чувство солидарности, взаимопомощи и жертвенности, что значительно способствовало успеху борьбы за независимость и формированию национального самосознания.

С началом Великой Отечественной войны власти были вынуждены изменить свое отношение к верующим, открыв новые возможности для деятельности Церкви, учитывая ее огромный потенциал для укрепления народного духа.

В статье также показано, что исторический путь секуляризации советского периода и процесс изменения взаимоотношений Церкви и государства в СССР в годы Великой Отечественной войны обусловили специфику постсекулярных тенденций в современной России. Среди характеристик постсекулярного общества в статье особо выделяются квазирелигиозные тенденции, проявляющиеся в феномене двоеверия как проявлении «лоскутной религии», соединяющей традиционные христианские верования с идеологическими символами коммунистического прошлого и наследием Великой Отечественной войны. Мы приходим к выводу, что указанные в начале статьи *коллективистско-просоциальный* и *российско-православный* менталитеты действительно преобладают в современном обществе России. Членов этих социальных сообществ объединяют не только ценности правды, социальной справедливости, патриотизма, коллективизма (общинности), веры, русской культуры и языка³⁰, но и определенное квазирелигиозное самовосприятие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопов Г.В. Ментальность как групповое сознание: учебное пособие по курсу «Психология ментальности» для магистратуры по психологическим направлениям. Самара: ПГСГА, 2015. 75 с.

³⁰ Семёнов В.Е. Указ. соч. С. 27.

2. Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном обществе // *Studia Humanitatis*. 2020. № 1. С. 24–34.
3. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви; Арела, 2008. 352 с.
4. Беглов А.Л. Международная деятельность Русской Православной Церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11. № 4. С. 104–129.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. 783 с.
6. Конт О. Курс положительной философии. Т. 1. С.-Петербург, 1900. Первая лекция // *Философия и общество*. 1998. Т. 1. Вып. 6. С. 191–208.
7. Кринко Е.Ф. Религиозная жизнь в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2015. № 1 (13). С. 98–112.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 12. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. 575 с.
9. Ленин В.И. Социализм и религия. Сборник. М.: Политиздат, 1940. 32 с.
10. Маркс К. К критике политической экономии. М.: Политиздат, 1990. 206 с.
11. Мозжилин С.И. Совесть и историческая память в контексте российской культуры // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2024. Т. 24. № 3. С. 289–294.
12. Пинюгина Е.В. Патриарх Сергей в политике памяти Русской Православной Церкви в конце XX — начале XXI вв. // *Россия и современный мир*. 2020. № 2 (107). С. 61–72.
13. Пищик В.И. Ментальность поколений в текучей современности. М.: ИНФРА-М, 2026. 150 с.
14. Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
15. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М.: [б/и], 1943. 99 с.

16. Семёнов В.Е. История психологической науки в России и российская полиментальность // Современная христианская психология и антропология: актуальные вопросы. Материалы Всероссийской конференции. 2022. № 3. С. 25–34.
17. Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Свято-Георгиевском храме на Поклонной горе в день памяти святого великомученика Георгия Победоносца 06.05.2021 // Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/88021> (дата обращения: 28.10.2025). Загл. с экрана. Яз. рус.
18. Смирнов М.Ю. Религия и Библия в трудах В.И. Ленина: новый взгляд на старую тему // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 106–125.
19. Сталин И.В. Выступление по радио 3 июля 1941 года // О Великой Отечественной войне Советского Союза / 4-е изд. Ленинград: ОГИЗ; Государственное изд-во политической литературы, 1944. С. 7–9.
20. Тагаев М.А., свящ. Постсекулярные тенденции в современном социокультурном пространстве России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25. № 1. С. 26–30.
21. Тиллих П. Избранное. Теология культуры / пер. с англ. М.: Юрист, 1995. 479 с.
22. Целыковский А.А. Политический мессианизм как основа российского имперского мифа // Философская мысль. 2024. № 1. С. 13–25.
23. Цеханская К.В. Война и вера: религиозный аспект подвига советских людей в годы Великой Отечественной войны // Метаморфозы истории. 2019. № 13. С. 19–51.
24. Цыплаков Д.А. Российская постсекулярность: специфика изучения // Российский гуманитарный журнал. 2017. № 3. С. 242–252.
25. Цыплаков Д.А. Этапы российской секуляризации и празднование 1000-летия Крещения Руси в 1988 г. // Новосибирский временник. 2022. № 2 (6). С. 71–75.
26. Чеснова Е.Н., Якимова Е.Г., Мартыанов Е.Ю. Квазирелигиозные и эсхатологические основания этики сталинизма // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2014. № 2 (10). С. 59–67.

*Статья поступила в редакцию 30.10.2025,
одобрена после рецензирования 17.02.2026,
принята к публикации 24.04.2026.*

Article

UDC [1:316]+[316.74:94](470+571)

For citation:

Tagayev M., priest. Transformatsiya religiozno-nravstvennykh osnovaniy sovetskogo obshchestva v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny i postsekulyarnyye protsessy v sovremennoy Rossii [Transformation of the religious and moral foundations of soviet society in the conditions of the Great patriotic war and post-secular processes in modern Russia] // Trudy Saratovskoy Pravoslavnoj Duhovnoj Seminarii [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. 2026. No. 2 (33). pp. 122–140.
DOI: 10.56621/27825884_2026_33_122

Priest Makar Tagayev,

Postgraduate Student,
Saratov State University,
10A Volskaya str., Saratov, 410028, Russian Federation
makarii0506@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8696-3980

Transformation of the Religious and Moral Foundations of Soviet Society in the Conditions of the Great Patriotic War and Post-Secular Processes in Modern Russia

Priest M. TAGAYEV

Abstract: The article focuses on the study of the religious and moral foundations of Soviet society during the Great Patriotic War and the analysis of post-secular processes in modern Russia. It examines the historical background of the relationship between the church and the state in the USSR, from the 1917 Revolution to the Second World War. The article analyzes the changes in the state policy towards religion that occurred as a result of the extraordinary circumstances of wartime, and their implications for the future development of religious consciousness in Russia. It examines current trends in desecularization and their impact on public sentiment, demonstrating how religious and national symbols are integrated into modern Russian culture. The study reveals the complexity and multi-layered nature of the religious and moral identity of Russian society, showing how the religiosity of the Russian population is preserved and adapted in the face of political changes and crises.

Keywords: Great Patriotic War, Russian Orthodox Church, patriotism, public consciousness, social culture, national identity, traditional morality, post-secular trends, desecularization, concept of post-secular society, religiosity, quasi-religiosity.

REFERENCES

1. Akopov G.V. (2015) "Mental'nost' kak gruppovoye soznaniye" [Mentality as Group Consciousness]. A Textbook for the Course "Psychology of Mentality" for the Master's Degree in Psychology. Samara. (In Russian).
2. Anikin D.A. (2020) "Pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne kak simbolicheskiy resurs: osobennosti funktsionirovaniya v religioznom soobshchestve" [The Memory of the Great Patriotic War as a Symbolic Resource: Features of Functioning in the Religious Community]. In: "Studia Humanitatis" [Studia Humanitatis]. No. 1. pp. 24–34. (In Russian).
3. Beglov A. (2008) "V poiskakh «bezgreshnykh katakomb». Tserkovnoye podpol'ye v SSSR" [In Search of "Sinless Catacombs." The Church Underground in the USSR]. Moscow. (In Russian).
4. Beglov A.L. (2018) "Mezhdunarodnaya deyatel'nost' Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v period «novogo kursa» v gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniyakh. Osnovnyye etapy i krizisnyye yavleniya" [The International Activities of the Russian Orthodox Church during the "New Deal" in Church-State Relations. Key Stages and Crisis Phenomena]. In: "Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo" [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. Vol. 11. No. 4. pp. 104–129. (In Russian).
5. Bell D. (2004) "Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya" [The Coming Postindustrial Society: An Experience of Social Forecasting]. Moscow. (In Russian).
6. Chesnova E.N., Yakimova E.G., Martyanov E.Yu. (2014) "Kvazireligioznyye i eskhatologicheskiye osnovaniya etiki stalinizma" [Quasi-religious and eschatological foundations of the ethics of Stalinism]. In: "Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo" [Humanitarian Bulletin of the Tolstoy State Pedagogical University]. No. 2 (10). pp. 59–67. (In Russian).
7. Krinko E.F. (2015) "Religioznaya zhizn' v tylu i na fronte v gody Velikoy Otechestvennoy voyny" [Religious Life in the Rear and at the Front During the Great Patriotic War]. In: "Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta" [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University]. No. 1 (13). pp. 98–112. (In Russian).
8. Mozhilin S.I. (2024) "Sovest' i istoricheskaya pamyat' v kontekste rossiyskoy kul'tury" [Conscience and Historical Memory in the Context of Russian Culture]. In: "Izvestiya Saratovskogo universiteta.

- Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika" [Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 24. No. 3. pp. 289–294. (In Russian).
9. Pinyugina E.V. (2020) "Patriarkh Sergiy v politike pamyati Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v kontse XX — nachale XXI vv." [Patriarch Sergius in the Memory Policy of the Russian Orthodox Church in the Late 20th — Early 21st Centuries]. In: "Rossiya i sovremennyy mir" [Russia and the Modern World]. No. 2 (107). pp. 61–72. (In Russian).
10. Pishchik V.I. (2026) "Mental'nost' pokoleniy v tekuchey sovremennosti" [The Mentality of Generations in the Fluid Modernity]. Moscow. (In Russian).
11. Pospelovsky D.V. (1995) "Russkaya Pravoslavnaya tserkov' XX veke" [The Russian Orthodox Church in the 20th Century]. Moscow. (In Russian).
12. Semenov V.E. (2022) "Istoriya psikhologicheskoy nauki v Rossii i rossiyskaya polimental'nost'" [The History of Psychology in Russia and Russian Polymentality]. In: "Sovremennaya khristianskaya psikhologiya i antropologiya: aktual'nyye voprosy. Materialy Vserossiyskoy konferentsii" [Modern Christian Psychology and Anthropology: Current Issues. Proceedings of the All-Russian Conference]. No. 3. pp. 25–34. (In Russian).
13. Smirnov M.Yu. (2011) "Religiya i Bibliya v trudakh V.I. Lenina: novyy vzglyad na staruyu temu" [Religion and the Bible in the Works of V.I. Lenin: A New Look at an Old Theme]. In: "Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom" [State, Religion, and Church in Russia and Abroad]. No. 2. pp. 106–125. (In Russian).
14. Tagaev M.A. (2025) "Postsekulyarnyye tendentsii v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve Rossii" [Post-secular Trends in the Contemporary Sociocultural Space of Russia]. In: "Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika" [Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 25. No. 1. pp. 26–30. (In Russian).
15. Tillich P. (1995) "Izbrannoye. Teologiya kul'tury" [Selected Works. Theology of Culture]. Moscow. (In Russian. Transl. from English).
16. Tsekhanskaya K.V. (2019) "Voyna vera: religioznyy aspekt podviga sovetikh lyudey v gody Velikoy Otechestvennoy voyny" [War of Faith: The Religious Aspect of the Soviet People's Feat during the Great Patriotic War]. In: "Metamorfozy istorii" [Metamorphoses of History]. No. 13. pp. 19–51. (In Russian).
17. Tselykovsky A.A. (2024) "Politicheskiiy messianizm kak osnova rossiyskogo imperskogo mifa" [Political Messianism as the Foundation

- of the Russian Imperial Myth]. In: "Filosofskaya mysl'" [Philosophical Thought]. No. 1. pp. 13–25. (In Russian).
18. Tsyplakov D.A. (2017) "Rossiyskaya postsekulyarnost': spetsifika izucheniya" [Russian Post-Secularity: The Specifics of Study]. In: "Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal" [Russian Humanitarian Journal]. No. 3. pp. 242–252. (In Russian).
 19. Tsyplakov D.A. (2022) "Etapy rossiyskoy sekulyarizatsii i prazdnovaniye 1000-letiya Kreshcheniya Rusi v 1988 g." [Stages of Russian Secularization and the Celebration of the 1000th Anniversary of the Baptism of Rus' in 1988]. In: "Novosibirskiy vremennik" [Novosibirsk Vremyanik]. No. 2 (6). pp. 71–75. (In Russian).

*The article was submitted 30.10.2025,
approved after reviewing 17.02.2026,
accepted for publication 24.04.2026.*